

К. И. Иванов, Л. Р. Супрун-Белевич (Минск)

КОНКРЕТИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ СМЫСЛА В ПЕРЕВОДЕ БАСЕННОГО ТЕКСТА

И. А. Крылов считал, что басня – жанр устный, обращенный к слушателю, причем к самому широкому и разнообразному. П. Вяземский писал о том, что «Дмитриев пишет басни свои, Крылов их рассказывает». Действительно, насыщая язык своих басен идиомами, устойчивыми формулами, пословицами и поговорками, иногда просторечными формами, находящимися за пределами норм литературного языка, И. А. Крылов приближает язык своих басен к народному, разговорному, легко воспринимаемому на слух. Такая «простота» языка делает басни И. А. Крылова сложным объектом для перевода на другой язык. Иллюстрацией этих сложностей может послужить перевод басни «Стрекоза и Муравей» на болгарский язык, сделанный выдающимся болгарским прозаиком и поэтом первой половины XX в. Георгием Райчевым.

При сравнении двух текстов сразу обращают на себя внимание некоторые отличия подхода И. А. Крылова и Г. Райчева к языковому оформлению текста. В своем творчестве русский баснописец опирался на образы, ассоциации, метафоры, широко известные и понятные русскому читателю. Поэтому он их использовал совершенно свободно, не утяжеляя сказ ненужными подробностями. В этом И. А. Крылову помогала и ориентация на близость к народной разговорной русской речи. Особую выразительность языку придают фразеологизмы, пословицы и поговорки, делающие речь выразительной, объемной и позволяющие сжато, точно и в то же время образно выразить свою мысль. Прагматическая адаптация басни к ее восприятию болгарской читательской аудиторией часто осуществляется переводчиком при помощи верbalного развертывания смысла. Поэтому создается впечатление большей конкретики болгарского текста, например:

1. русск. *оглянуться не успела, как зима катит в глаза, болг. и несети той, когато падна първият снежец* (не заметил, как выпал первый снежок); здесь фразеологизмы *оглянуться не успела* ‘быстро прошло время’ и *катить в глаза* ‘стремительно приближаться’ тесно вза-

имодействуют с разговорно-просторечным союзом *как* во временном значении «когда», ярче передавая быстроту смены событий. Эмоционально-экспрессивные характеристики в переводе переданы неполно (лишь на уровне словообразования лексем – *сети* (вм. *усети*) и *снегеи* (с уменьшительно-ласкательным суффиксом)).

2. русск. *с зимой холодной нужда, голод настает, болг. зима зла – вредом нужди и тегла* (везде нужда и тяготы); русск. *злой тоской удручена, к Муравью ползет она*, болг. *в черни скърби, грижи, студ спомни мравката щурецът* (в черной скорби, заботах, холодах вспомнил кузнецик о муравье). Здесь болгарские существительные *тегло, нужда, скърб, грижи* употреблены в множественном числе, что для абстрактных русских существительных невозможно. Таким способом переводчик добивается стилистического эффекта «плурализации», усиливающего интенсивность и масштабность явления; злость здесь становится атрибутом зимы, холод – одной из причин, вызывающих угнетающую тоску; глагол *ползать* в оригинале указывает на полное истощение сил стрекозы, в переводе кузнецик не ползет к муравью, а вспоминает о его существовании. О своей физической слабости говорит уже сам кузнецик, прося о помощи: болг. *нямам вече капка сила*; этой метафорой-литотой Георги Райчев одновременно передает фразеологизм оригинала *дай ты мне собраться с силой*.

3. русск. *Стрекоза уж не поет: И кому же в ум пойдет На желудок петь голодный!*, болг. *И щурецът сви крила и замъкна сиромаха! Ах, да пее кой е луд без трошица във стомаха!* (А кузнецик сложил крылья и замолк, бедняжка! Кто бы сошел с ума, чтобы петь без крошки хлеба в желудке!). Обычной констатации факта в оригинале соответствует в переводе более детальное описание. Эмоциональный градус переживаний усилен за счет междометия *ах* и деминутива *трошица*. Более частое использование деминутивов выделяется как отчетливо прослеживаемая тенденция в болгарском тексте: *трошица, тревица* (травка), *храница* (от *храна* – еда), *слънчице* (солнышко), *мравчице* (от *мравка*), *кумичке* (кумушечка) *мила*. Возможным объяснением этой особенности может быть желание Г. Райчева сблизить текст с болгарской фольклорной традицией, а также большая частотность и свобода употребления этих форм в болгарской разговорной речи. К тому же переводчиком привнесен элемент сочувствия и со-

страдания к тяжелому положению кузнечика. Наверное, это связано с его в общем-то положительным фольклорным и языковым восприятием.

4. русск. «*Кумушка, мне странно это: Да работала ль ты в лето?*» – Говорит ей Муравей, болг. *А зачудената мравка го попита с подигравка: – Я кажи ми, кумчо мили, ляtos ти не работи ли?* (Аббр. удивленный муравей спросил его с издевкой: «А ну-ка, скажи мне, кум мой милый, летом ты не работал?»). В переводе вербально обозначена интенция высказывания (такое видим еще в одном месте: *и замоли я кумецът* (попросил ее кум)). Ирония и насмешка у И. А. Крылова рождаются благодаря живой разговорной интонации, особому построению фразы. Разговорность и одновременно упрек в переводе выражены лексически частицей *я*, усиливающей коммуникативную направленность императива, расширенным обращением *кумчо мили*, модальным оттенком вопроса с отрицанием.

Среди замеченных нами упущений стоит отметить отсутствие в переводе ярко национальных характеристик текста Крылова. Постоянные эпитеты как приметы «русскойсти» встречаются часто в оригинале: *лето красное* (по отношению к погоде прилагательное означает «ясный, ведренный»); *чисто поле; злая тоска; мягкие муравы*. В болгарском тексте находим: *цяло лято* (все лето); *полето*; *нужди и тегла*; *слънчицето тъй печеше* (солнышко так грело). Снятие национального колорита работает на обобщенность ситуации и морали в басне. Известное представление о ее близости к народно-поэтической речи дают словосочетание *черни скърби*, характерные для фольклорной болгарской лексики слова: *найда* (найти), усеченная форма союзного местоименного наречия *дето* (къдете), наречие с редким употреблением *вредом* (везде).

Итак, анализ перевода лишь одной басни продемонстрировал, что именно обращенность И. А. Крылова к живому разговорному языку, использование им слов и выражений устного народного творчества делают его произведения весьма сложными для перевода на другой язык. По-видимому, прав В. Г. Белинский, утверждая, что басни Крылова нельзя переводить – их можно только переделывать.